«ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Сатторов Назарбек Одилжонович
Главный специалист отделения информационно-коммуникационных технологий Управления юстиции города Ташкента

Аннотация. Исследуется новый инструмент «мягкой силы», известный как «цифровая дипло-матия». Автор приходит к выводу, что развитие высоких технологий и глобальная перебаланси- ровка сил в мире расширяет понятие «цифровой дипломатии», как наиболее восприимчивой и быс-тро меняющейся составляющей «мягкой силы».

Ключевые слова и словосочетания: «мягкая сила», «цифровая дипломатия», мировая политика. ***информационное противостояния, дипломатические, государственная пропаганда.***

Благодаря цифровой революции на- циональные границы государств оказались размытыми, построены мосты между конти- нентами. Сегодня внешнеполитическая стра-тегия «мягкой силы», разработанная в США политологом и профессором Дж.С. Наем, находится в поисках новых инструментов. Эта технология, вошедшая в научный и поли-тический лексикон почти тридцать лет назад,базируется не только на ценностях страны, ее культуре и внешней

политике [1][128], среди инструментов «мягкой силы» все чаще и активнее применяется цифровая дипломатия, (интернет-дипломатия, дип- ломатия социальных сетей или Web 2.0 дипломатия), то есть использование Интернета и информационно-коммуникационных сетей для решения диплома- тических задач. Меняется и характер самого понятия «власть»: по утверждению Дж. Ная, власть движется не только с Запада на Восток, но и от государственных к негосударственным субъектам . Это могут быть муниципальные и ре- гиональные правительства, институты, гражданские организации, отдельные политики. Модель классической дипломатии «государство – государству» пос- тепенно уходит в прошлое. Сегодня, благодаря цифровой дипломатии, новые акторы напрямую участвуют в решении глобальных проблем [129].

По мнению эксперта по внутренней и внешней политике США Н. Цвет- ковой, с началом президентского срока Б. Обамы был совершен кардиналь- ный поворот от классической концепции «мягкой силы» к новым формам этой стратегии. В США цифровую дипломатию начали использовать для аккумулирования либеральных сил в мире; в социальных сетях разверну- лась антипропаганда террористических организаций, заработал механизм государственной пропаганды – информационного противостояния с Рос- сией [3]. Нынешняя американская администрация продолжает искать но- вые инструменты «мягкой силы». После череды экономических санкций в отношении Российской Федерации и зеркальных действий дипломатичес- ких ведомств двух стран, с высылкой дипломатов и закрытием консульств эксперты заговорили о том, что новая администрация США больше не уделяет пристального внимания культурной составляющей «мягкой силы», ведь под сокращение попали подразделения, отвечающие за культурный обмен США и России. Эти опасения подтвердил и Дж. Най, отметив, что администрация Д. Трампа пренебрегает культурными и образовательными проектами не только в отношении России. Звучат официальные заявления о том, что первоочередное внимание продвижению американских цен- ностей, таких, как демократия, права человека и свобода слова, больше уделяться не будет.

В том, что вместе с развивающимися технологиями и все большим про- никновением «онлайна» в жизнь необходимо вводить новые методологические подходы к анализу «мягкой силы», убеждены российские эксперты. С.А. Семе- дов утверждает, что цифровая дипломатия – явление многосоставное. Напри- мер, в США она включает в себя несколько элементов: расширение присутс- твия в социальных сетях и доступный Интернет, в который входит разработка технологии для обхода цензуры; распространение демократии через обучение представителей оппозиции авторитарных стран работать в социальных сетях, а также внедрение мобильной связи, с помощью которой можно обмени- ваться информацией в обход запретов властей. При этом автор убежден, что вместе с явными плюсами электронная дипломатия несет в себе и угрозы, из-за которых необходимо затрачивать средства на обеспечение и разработку систем информационной безопасности .

О растущих угрозах распространения информационно-коммуникационных технологий, но уже в контексте новой индустриальной революции (Industry 4.0), заявляет А.И. Смирнов. Так называемая «инфогенная» опасность се- годня связана с тем, что при помощи информационных и коммуникаци- онных технологий государства добиваются и своих геополитических целей . И.В. Сурма утверждает, что из-за растущих масштабов использования цифровой коммуникации в политической жизни, а также возникающих из- за этого киберугроз, появляется необходимость в поиске новых научных подходов к социальным сетям. И.В. Сурмаприводит в пример ряд сетевых технологий, которые изучают цифровую дипломатию и обеспечивают кибербе- зопасность . Среди них – британско-американская технология i2, которая сегодня применяется в разных странах и позволяет с помощью многомерной визуализации анализировать и выявлять скрытые закономерности. К

[128] Вестник Поволжского института управления
[129] Bulletin of the Volga Region Institute of Administration

наиболее успешным технологиям также относится проект «Социальные медиа в стратегической коммуникации» (SMISC), разработанный Управлением перспек- тивных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA). С помощью автоматизированных и полуавтоматизированных инструментов и технологий проект должен был научиться распознавать участников коммуни- кации, их намерения, а затем вычислять результат операции по убеждению. Сегодня, спустя три года после старта проекта, управление DARPA запускает программу вычислительного моделирования социального поведения в Сети (SocialSim) , которая будет заниматься разработкой инновационных технологий для высокоточного компьютерного моделирования онлайн-поведения в Интернете.

Технологическое переоснащение и повсеместное применение интернет- технологий формирует определенные тенденции в использовании внешне- политических стратегий, о чем свидетельствуют и результаты исследований международной консалтинговой компании Portland. В своем анализе она использует метод индексации «мягкой силы» тридцати наиболее преуспе- вающих в этом направлении стран, в основе которого лежит компаратив- ный подход. Под сравнение попадают шесть субиндексов: правительство, культура, глобальное взаимодействие, образование, предпринимательствои цифровая составляющая. Последний субиндекс отражает успешность применения цифровых технологий и как широко государство использует цифровую дипломатию через платформы социальных сетей. Несмотря нато что в 2017 г. США заняли только 3-е место в общем рейтинге «мягкой силы», проиграв Франции и Великобритании, обогнать ее в цифровом су- биндексе никто не смог. Однако исследователи уверены, что, так как этот показатель является самым динамично развивающимся, в скором времени могут появиться и другие «цифровые лидеры» [8] хотя бы потому, что, концентрируясь на внутренней политике, США постепенно пропускают вперед Восток. Поднебесная уже активно и успешно внедряет цифровыемеханизмы «мягкой силы» во внешнеполитическую концепцию «китайс- кой мечты».

Цифровая дипломатия, являющаяся инструментом «мягкой силы», помогает распространить национальные интересы государства вовне.

Вместе с ростом охвата глобальной Сети она постоянно расширяет границы. Эту тенденцию подтверждают цифры: в мире за одну минуту «лайкают» почти 3 млн фотографий в Инстаграмме, в YouTube выкладывают 400 часов нового видео, за одну минуту в США используется почти 19 млн мегабайт беспроводных данных. По прогнозам, к 2020 г. Интернетом будет обеспечено 60% всего населения планеты, то есть 4,1 млрд человек, в том числе из развивающих- ся стран, будут иметь доступ в глобальную сеть. Эти цифры подтверждают данные Международного союза электросвязи, ведущего учреждения ООН в области информационно-коммуникационных технологий . При этом раз- работчики поисковых систем ожидают, что в Интернет придут люди, не уме-ющие читать и писать, в связи с чем придется менять алгоритм обработки запроса таких пользователей.

Актуальность новых методов исследования цифровой дипломатии свя-зана еще и с массовым переносом информации на электронные носите-ли, при этом взаимодействие с государством также повсеместно перехо- дит на цифровую платформу, а аккаунты политиков становятся важной и при этом доступной частью имиджа государства. [130]Сегодня «дипломатия социальных сетей» переняла и некоторые проявления массовой интернет- культуры. Так, совершенствуются формы подачи информации (от текстак фото и видео); возрастает популярность вирусных роликов (короткие, емкие клипы, часто с применением профессионального монтажа); благо- даря возможности вести прямую трансляцию с собственного смартфона увеличивается скорость появления информации. Укореняется круглосуточ- ная включенность. В отличие от традиционной, цифровая дипломатия поз- воляет любому человеку, независимо от того, где он находится, иметь свой голос и влияние по отношению к той или иной ситуации, или к конкретно- му политику.

[130] Вестник Поволжского института управления 2018. Том 18. № 1

Появляются новые виды дипломатического языка: хэштеги, смайлики, стикеры, видео, фотоснимки. Таким образом, трансформирует- ся дипломатический кодекс поведения, основанный на классических кон- цепциях. Меняется интернет-лексикон, вобравший в себя элементы культуры социальных сетей. Так называемый интернет-троллинг, форма социальной провокации, или сетевое хулиганство, которое часто используют блоггеры, превратилась в одно из проявлений и современного полити- ческого диалога. Когда премьер-министр Великобритании Т. Мэй обвинила Европейский союз во вмешательстве в их выборный процесс, посольство России в Лондоне заявило в социальной сети: «Слава богу, на этот разне Россия». На волне истерии вокруг обвинений России в хаккерских атаках с целью повлиять на выборы США, этот комментарий, по мнению пользова- телей социальных сетей, выглядел как «эпический троллинг». После набора лайков и перепостов даже ярые противники России признали шутку удач- ной . Хэштеги #RussiansdoIt, #русскиесделалиэто поддержали даже американские пользователи непосредственно в разгар «хаккерского» скандала, иронизируя над тем, что во всем всегда виноваты русские. Однако российские эксперты утверждают, что при широком использовании новых методов коммуникации может произойти падение политической культуры. В особенности это касается дипломатических ведомств, где уровень обще- ния должен оставаться высоким.

Определенную цель преследуют и политики, пользуясь активностью в се- тях. Политические организации и лидеры собирают лайки и смайлики не просто так, ведь такая симпатия может быть конвертирована в реальные го- лоса. Не случайно в качестве примера «сетевой любви» аналитики приводят привлекательное позиционирование новых политических лидеров: премьер- министра Канады Дж. Трюдо и президента Аргентины М. Макри. Своей по- беде на выборах и дальнейшей популярности оба лидера обязаны активностив социальных сетях, а Дж. Трюдо назвали представителем нового поколения политиков – энергичных, настоящих, доступных (он «всегда онлайн»). Такое впечатление складывается после просмотра личных интернет-страниц обаятельного премьер-министра, где каждый подписчик может оставить комментарий. Однако в публикациях безобидные и даже умилительные пос-ты чередуются с важными политическими решениями. С одной стороны, Дж. Трюдо фотографируется с выпускниками, которые случайно оказались на набережной, где он совершал пробежку; делает селфи в вышиванке в день национального костюма Украины; записывает обращения на арабском языке для сирийских беженцев, которых он гостеприимно принял у себя в стране (на одной из фотографий политик даже прослезился от рассказа мигранта). С другой – Трюдо не упускает возможности поддержать ЛГБТ-сообщество и продемонстрировать забавные носки с изображением флага НАТО во времякрупных саммитов. Так политик демонстрирует свою поддержку продвиже- нию североатлантического альянса в Восточную Европу и страны Балтии . Пользуясь привлекательным имиджем и всеобщей любовью, которая благо- даря цифровой составляющей распространяется далеко за пределы Канады, в реальной жизни Дж. Трюдо выступает за ряд смелых, неоднозначных и жестких инициатив: на местном уровне – легализацию эвтаназии, абортов, марихуаны, защиту прав трансгендеров, во внешней политике – военную поддержку Украины, отказ участвовать в сирийской спецоперации и закупку американского истребителя пятого поколения F-35, а также объявляет веде- ние двухсторонних отношений с России по вопросам Арктики в конструктив-ном ключе.

О значимости социальных сетей свидетельствуют и недавние выборы в США. Журналисты подсчитали, что за время избирательной кампании До- нальд Трамп сделал в два раза больше твиттов, чем Х. Клинтон, которая убеж- дена, что лживая информация о ней, распространенная через Фейсбук, стала одной из главных причин поражения . Из этого следует, что персонифи- цированная цифровая дипломатия уже является одним из самых эффектив-ных инструментов «мягкой силы». При этом ставка делается на доступностьи считываемость образа разной аудиторией.

Учитывая то, что цифровая дипломатия вынуждена идти в ногу со време- нем, но при этом не ограничивается только лишь присутствием и активнос тью в социальных сетях,

можно предполагать, что сфера понятия «цифровой» расширяется. Сегодня государства постоянно увеличивают траты на обес- печение кибербезопасности, ведущие мозговые центры мира соревнуются в разработке и внедрении искусственного интеллекта в жизнь, Apple, Google, Amazon, Microsoft инвестировали огромные суммы, чтобы усовершенство- вать технологии машинного обучения. Канадско-американский предприни- матель, владелец и главный инженер компании SpaceX И. Маск демонстри- рует ракеты и скафандры, разработанные его компанией, в которых земляне отправятся на Марс, а к 2030 г. граждане США смогут начать его колониза- цию . К слову, отчеты о своих успехах компания также демонстрирует в социальных сетях . Становится очевидно, что в технологической гонке странна имидж государств влияет их инновационная развитость, при этом правильное позиционирование успехов страны частично лежит и в цифровой плоскости.

[131]В России о необходимости внедрения цифровой дипломатии заговорили в 2012 г. Применить этот инструмент «мягкой силы» МИДу РФ поручил Президент России В.В. Путин .Тогда же французское агентство AFP опуб- ликовало первый в истории рейтинг цифровой дипломатии. Первое место заняли США, Россия значилась лишь на 14-й позиции. Однако последние исследования констатируют, что за это время Россия научилась успешно при- менять этот инструмент: в недавнем рейтинге цифровой дипломатии (Digital Diplomacy-2016) она заняла уже четвертое место, пропустив вперед Великоб- ританию, Францию, и США. В определении победителя использовался уров-невый поход, при котором цифровая дипломатия рассматривалась с точки зрения пяти параметров прогресса от «новичка» до «продвинутого пользова- теля»: присутствия, настройки, актуальности, участия, дипломатии 4.0. Все пе- речисленные параметры рассматривались с позиции их креативности, аутен-тичности, прозрачности, управления контентом, безопасности, открытости, влиянии, типа аудитории, профессионализма, прорывных / инновационных кампаний .

[132]У истоков разработки цифрового метода «мягкой силы» стояла Э.-М. Сло- тер, бывший директор политического планирования в Государственном де- партаменте США (2009–2001 гг.), в трудах которой изложены философские основы цифровой дипломатии. Впервые она была применена во внешнеполи- тическом курсе США, придя на смену или в дополнение телевизионному и радиовещанию и концепции «Великой шахматной доски» З. Бжезинского. В 2002 г. администрация Дж. Буша младшего первой была перенесена в Интер- нет. В 2010–2011 гг. в Белом доме официально обозначили и опубликовали главные задачи цифровой дипломатии.

Сегодня Э.М. Слотер занимает пост президента мозгового центра «Но- вая Америка», где ведется разработка концепций по возрождению величия США в эпоху цифровых технологий. Она утверждает, что сейчас даже в Америке, которая является пионером цифровой дипломатии, не все поли- тики понимают, что коммуникация становится многослойной и многоуровневой. По ее мнению, страны, обладающие наиболее крепкими, разветв- ленными каналами связи, способны реализовывать в мире необходимые им сценарии эффективнее, чем те, кто обладает мощной армией . По прогнозам Э.М. Слотер, в следующем десятилетии влияние государств на глобальные цифровые потоки возрастет: будут разрабатываться сложные инструменты для введения цифровых санкций, блокировки торговли, ин- формации и связи.

В долгосрочных стратегиях развития стран совершенствование цифровых и высокотехнолочных платформ и построение «цифрового общества» значится одним из первых пунктов. Так, Китай в программе «Сделано в Китае 2025», направленной на удержание статуса «мировой фабрики», только с привлече- нием новых технологий, обозначил целый спектр развития технологических разработок, которые планируется повсеместно внедрять в экономику. При этом «электронная экономика» (то есть экономическое производство с использованием цифровых технологий), затрагивает разные сферы жизнеде- ятельности:

[131] Bulletin of the Volga Region Institute of Administration

[132] Вестник Поволжского института управления

образование, медицину, банкинг.

Американские гиганты Кремниевой долины сегодня бросают вызов не- когда всемогущему Уолл-Стрит и всему банковскому сектору, намекая, что управлять финансовыми потоками могут и без их помощи. Криптовалюты, пересмотр системы хранения и передачи денег – все это часть цифрового общества, построение которого так же возложено на разработки Кремниевой долины. Если цифровые умы научились переводить «лайки, клики и отметки» в высокие политические идеалы, способствуя экспорту свободы, демократии, и прав человека в далекие уголки – на Ближний Восток и Северную Африку, то, учитывая новые технологические разработки, понятие «цифровая мягкая сила» может значительно расшириться.

Библиографический список

1. *Най Д.С.* Гибкая власть / пер. с англ. В. Супрун. М.; Новосибирск, 2006.
2. *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии. 2013. № 2 (10).
3. *Цветкова Н.* Наследие президента Обамы в области публичной дипломатии США. URL: http://gorchakovfund.ru/news/20161/
4. *Семедов С.А.* Цифровая дипломатия в эпоху глобализации / под ред. В.В. Комлева // Рос-сия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности: сбор- ник статей. М., 2014. С. 355–357.
5. *Смирнов А.И.* «Industry 4.0» в дискурсе международной информационной безопаснос- ти – взгляд из России. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/6f6/smirnov.pdf
6. *Сурма И.В.* Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление: Электронный вестник. 2015. Вып. 49, апр. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_741
7. *Cooney M.* DARPA wants to simulate how social media spreads info like wildfire // Network World. URL: https://www.networkworld.com/article/3158707/security/darpa-wants-to-simulate- how-social-media-spreads-info-like-wildfire.html
8. *Alchami D., Aspeling W., Brennan Z.,* etc. A Global Ranking of Soft Power 2017 – The Soft Power 30. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report- 2017-Web-1.pdf
9. Digital Diplomacy Review 2016. URL: http://digital.diplomacy.live/ranking-and-rating/
10. *Buckley N.* From Russia with likes: embassy tweets prove a hit for Moscow // Financial Times. 2017. June. URL: https://www.ft.com/content/6e9ebc52-4c68-11e7-919a-1e14ce4af89b
11. Justin Trudeau. URL: https://www.facebook.com/JustinPJTrudeau/
12. *Ingram D.* Clinton says false stories on Facebook helped Trump win election // Reuters. 2017. May. URL: http://www.reuters.com/article/usa-clinton-facebook/clinton-says-false-stories-on-face- book-helped-trump-win-election-idUSL1N1IX17Z
13. Making Humans a Multiplanetary Species. URL: https://www.youtube.com/watch?v=A1YxNYiyALg&feature=youtu.be
14. Official Twitter for SpaceX, the future of space travel. URL: https://twitter.com/spacex
15. Совещание послов и постоянных представителей России: стенограмма. Официальный сайт президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15902
16. *Slaughter A.-M.* Connections, not armies, make countries powerful // Financial Times. 2016. April. URL: https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce
17. *Morozov E.* Silicon Valley has been humbled. But its schemes are as dangerous as ever // The Guardian, Technology The Observer. 2017. Sept. URL: https://www.theguardian.com/technol- ogy/2017/sep/02/silicon-valley-humbled-schemes-dangerous